

Имя автора будет оглашено в Итоговом протоколе конкурса.

Выполнимая нелёгкость бытия

Ящерицы

...А я – одна из ящериц. Смешно:
так много помню каменных мешков,
в которых я вертелась наглым шилом,
а нынче – страшно холод осязать.
Мои подслеповатые глаза
нельзя открыть доверчивей и шире.

Себе подобных чую в шрамах стен.
Когда-то, говорят, был долгим день,
а солнце было яркое, большое...
Сырая полутьма всё злей и злей
в иллюзии летания червей,
и громче в отгоревших избах шорох.

Хозяйки медных гор и тайных сил
не ждут ни одурманенных Данил,
ни отрезвлённых смелостью Степанов.
И солнце снова крохотным взошло...
Неясные намёки на тепло
раздав, к закату капелькой стекало...

Земля шипит: «Его легко понять:
в мечтах поест и всласть диван помять
кто рад ему? Забившиеся в щели?!
Настольных ламп хватает с головой.
Ему бы – укатиться в мир иной,
забыв про круг уходов-возвращений...»

А мы сидим и низостям грубим,
сплетаемся в кольчуги для руин...
Ценней, чем воздух, каждый новый соций...
Что наш мирок, что мир упрям и стар,
но верим до последнего хвоста:
чем больше нас – тем больше будет солнца.

Параллельные

В параллельной вселенной живёт параллельный Ной:
он всё пилит и пилит, и это досрочно старит,
а в ковчег недоделанный лезут всею ночью твари
и пугают его, чередуясь: «Ты мой!» – «Нет, мой!»

В параллельной вселенной живёт параллельный Лот:
он прожжён и просолен, умеренно опорочен,
и кричит: «Отсудила – вот стерва! – и дом, и дочек!»,
и в Содоме пытается вывести чистый род.

В настоящем живёт... Да неважно – она ЖИВЁТ,
и танцует на рельсах истории безымянной,
и черты параллелей с Юдифью, с Наамой-Ханной
забывает под «Ave, Эвклид! Лобачевский – мёртв».

Миссия кажется выполнимой

...Она поражалась: «Зачем зеркала? По-моему,
те, ради которых в них смотрятся – дно слепое».
На месте желудка носила ведро с помоями,
на месте потерянной талии – сумку-пояс.

И если бы душу

могла надевать наружу –
легко простояла бы день под кислотным душем.

Она возмущалась: «Да с кем же мне разговаривать?
У всех изо рта пахнет пареным овощизмом!»
И шла в тухлый офис – критически растоваривать
банальнейший рынок идей о красивой жизни.

Особо предвзято
бежали года-крысята –
и быстро набегали немолодой десяток.

А тут чёртов случай как выстрелил табакерками,
как выскочил вдруг из одной удалец-солдатик!
И губы сложились в единое «свет мой зеркальце»,
хотелось быть песней, и радостный тон задать ей!

Но руки, но шея...
Надеялась втайне, млея,
что он понимает, что внутренний мир важнее.

А он повторяет – под пятую точку жердь ему! –
что вкусной конфетке и фантик подай блестящий...
...Она улыбается фруктам диетно-жертвенно
и плачет, тоналкой замазывая растяжки.

А цвет выбран мимо.
Но – полкилограмма в минус!
И поздняя миссия кажется выполнимой.

Олег Евгеньевич Митрофанов, ПР СЕРГЕЕВИЧ

СП